

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И АНТИНОМИИ НАЦИИ

Станислав Федорин
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Отношение индивида к государству не является договорным. Нация является современным обоснованием легитимности государства, каковым ранее выступал монарх. Фундаментальные проблемы концепта нации могут быть обозначены как антиномии в кантовском смысле. Антиномии, проистекающие из идеи нации, не влияют на ее действенность. Нация предстает в этом плане как идеология - если применить к данному термину толкование С.Жижека. Теоретические неувязки идеологий игнорируются в силу их способности выполнять практическую функцию.

Ключевые слова: *Права человека, национальное государство, нация, субъект развития, антиномия, идеология*

Права человека как индивидуального субъекта. Социально-исторические события современности характеризуются чрезвычайно интенсивной динамикой. В Восточной Европе это проявляется со всей несомненностью. Люди, осуществляя социально значимые действия, не могут не истолковывать их для себя каким-то образом, хотя вовсе необязательно адекватно. Для современности особое значение имеют истолкования, опирающиеся на концепты прав человека, суверенного государства, нации и т.п.

Права человека декларируются как отправной пункт для общественного устройства. Независимо от того, соблюдаются ли права человека в том или ином конкретном обществе, лишь в исключительных случаях звучат открытые возражения против прав человека как таковых.

Под «человеком», о правах которого при этом идет речь, разумеется отдельный индивид. Можно утверждать, что идея прав человека имплицитно связана с развитым в философии Нового времени пониманием человеческого индивида как «субъекта», т.е. существа разумного и сознающего себя таковым, осознанно действующего по собственной воле и признающего свою ответственность за действия. Это понимание противостоит трактовке человека как зависящего от вековых устоев неопределенного происхождения, от монаршей воли, божественного откровения и т.п.

Также можно утверждать, что концепция прав человека, несмотря на заметные и несомненно важные «гуманитарные» применения, направленные на защиту людей от всевозможных злодеяний, главной функцией имеет все же не это. Она служит для истолкования людей в буржуазном ключе: как существ, взаимодействующих на основе договоров и только договоров (свободных, сознательных, ответственных, рациональных) – начиная от частных сделок обмена и заканчивая так называемым общественным договором, учреждающим суверенное государство.

Права гражданина. Созданные в ходе взаимодействия индивидов структуры взаимодействия - могут быть различными – семья, церковь, корпорация, очередь в буфет и т.п. Но наиболее важная структура – государство: она устанавливает юридические отношения, нарушение которых влечет насильственное привлечение к ответственности. Поэтому государство с наибольшим основанием считается обществом как таковым. Все прочие договорные взаимоотношения упираются в государство.

К суверенным государствам предъявляется (моральное) требование соблюдать права человека, что они и сами провозглашают как обязательство. Это требование означает, что государства должны максимально не препятствовать гражданам свободному изъявлению воли, т.е. вступать в договорные отношения друг с другом.

Вместе с тем, отношение индивида к самому государству не является договорным, вернее, оно является таковым лишь отчасти. И это следует утверждать, несмотря на давнюю почтенную традицию попыток интерпретировать государство как результат общественного договора. Важно принимать во внимание, что классические теории общественного договора от Т.Гоббса до Дж. Ролза сосредотачиваются на рассмотрении отношений индивидов к государству, игнорируя не менее важную сторону вопроса – отношение государств к другим государствам.

Недоговорный характер отношения индивидов к государству проявляется в том, что индивиды лишены возможности свободно выбирать гражданство, поскольку любое из имеющихся государств вправе отказать. Это кажется соответствующим общему правилу заключения договоров, согласно которому для вступления в некоторую организацию требуется согласие уже действительных членов. Однако организацию всякого типа (фирму, партию, клуб, семью, церковь и т.п.) возможно создать новую, «для себя» – за исключением случая государства. Индивиды лишены возможности создать государство по договоренности. Это обусловлено тем обстоятельством – на первый взгляд внешним, но фундаментальным – что все территории планеты уж заняты фактическими государствами.

С другой стороны, индивиды не могут свободно избавиться от уже имеющегося гражданства. Хотя абстрактно юридически такое право не отрицается, де-факто существующие государства связаны соглашениями, препятствующими им позволять гражданам отказываться от гражданства, если какое-то другое государство не согласно предоставить новое. В результате, индивиды оказываются прикреплены к государствам, как когда-то крепостные крестьяне к своим помещикам.

Соображения либертарианцев против налогообложения и т.п. примечательны лишь как дополнительное свидетельство принципиальной непоследовательности теоретических оснований современного государства. Однако эта противоречивость имманентна и не может быть устранена какими-то уточнениями или улучшениями правил.

Нация как субъект, легитимирующий государство. Из сказанного следует неразрешимая коллизия между институтом прав человека и институтом государства. Требуется какое-то объяснение исключительного положения государства, обосновывающее предел добровольности действий индивидов.

Наилучшим объяснением, конечно, в подобных случаях является отсутствие объяснения, т.е. старый добрый заговор молчания. Однако таковой косвенно, но эффективно дополняется практическим решением, каковым выступает идея нации.

Все без исключения современные государства позиционируются как национальные. Государств, которые не говорили бы от лица некоей нации и национальных интересов, в современности не существует. Феномен современного государства де-факто неразрывно связан с феноменом нации.

Нация позиционируется как квази-личность, не являющаяся просто добровольным объединением людей, каковое – как раз в силу добровольности – могло бы быть и иным. Нация предстает как некая необходимая, независимая от чьего-либо субъективного произвола объективная сущность. Ее недоговорное происхождение, фактичность воспринимается как достоинство.

Нация представляется таким образом подлинным субъектом, наделенным уникальной самобытностью, способностью к деятельности, творчеству, развитию и т.п. В этом плане – плане субъектности, она претендует на то, чтобы не уступать субъектам-индивидам, а в ряде отношений и превосходить их. Притом активно задействуется эмоциональная приверженность самих индивидов тем историческим культурным традициям, на наследство которых нация претендует.

Таким образом, государство получает обоснование своего не-договорного характера, т.е. возможности ставить предел логике прав человека. Нация является современным толкованием легитимности государства, каковым ранее выступала монаршая персона.

Нация представляет собой некоторый экстраординарный, одновременно исходный и окончательный пункт в современном социально-политическом дискурсе. От него отправляются и на нем заканчиваются любые объяснения. Обоснование тех или иных политических действий объясняется национальными интересами. Национальные же интересы допускается толковать различно, однако само существование их не нуждается в обосновании.

Нация как проблема. Вместе с тем, непреложность идеи нации имеет место лишь в практической сфере. В теоретической же дело обстоит совсем иначе. На данный момент исследователями данного вопроса достаточно разработана аргументация, серьезно проблематизирующая претензии наций на то, чтобы быть бесспорными историческими субъектами. Можно указать хотя бы известные работы Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, К. Хюбнера, И. Валлерстайна.

Например, Э. Хобсбаум среди тех, кто утверждает новизну феномена наций, вопреки их собственным притязаниям на древность. Он также – вслед за Э. Ренаном – обсуждает неясность содержания, способного выступать решающим критерием национальной принадлежности. Является ли таковым язык, территория, религия, культура? При ближайшем рассмотрении все начинает выглядеть сомнительным.

Убедительно выглядят доводы Э. Геллнера, которые он, среди прочих, проводит в связи со «спящими нациями». Он обращает внимание, что языковых групп, по данному формальному признаку способных претендовать на оформление в особую нацию (с дальнейшими амбициями на собственное государство) на нашей планете во много раз больше, нежели уже существующих государств.

Перечисление и изложение неясностей концепта нации может быть продолжено. Следует утверждать, что эти неясности имеют принципиальный и неустрашимый характер, а не являются результатом каких-то недоработок определений, ошибок понимания и т.п. В этой связи фундаментальные проблемы концепта нации могут быть обозначены как **антиномии** в кантовском смысле. Это значит, что относительно одного предмета может с равной степенью убедительности развиваться аргументация противоположной направленности. Например, можно с равным успехом обосновывать правомерность «этнической» или «политической» нации, древность нации или недавнее происхождение, обязательность оформления в суверенное государство или необязательность такового и т.д. и т.п.

Нация как идеология и мифология. Антиномии, проистекающие из идеи нации, не влияют на ее действенность. Нация предстает в этом плане как идеология - если применить к последнему термину толкование, данное ему С. Жижекком. Этот известный теоретик излагает концепцию идеологического как «такого социального механизма, сам гомеостаз которого предполагает, что индивиды «не сознают, что они делают»». Действительность – с этой точки зрения – «не может существовать без «идеологической мистификации»».

Теоретические неувязки идеологических мыслительных конструкций игнорируются в силу их способности выполнять практическую функцию. Она заключается в том, чтобы увести внимание от сути дела, пойти навстречу стремлению закрыть глаза на противоречия, конфликты, с которыми неясно, что делать. Вместо этого предложить эрзац-бытие, позволяющее откладывать решение настоящих проблем в неопределенное отдаление. Идеология - это фикция, но фикция неизбежная, незаменимая, позволяющая поддерживать существование, порядок действительности, который субъекты неспособны изменить.

Какие именно психологические механизмы позволяют индивидам игнорировать, не видеть в упор парадоксов идеологий – это предмет отдельных сложных рассмотрений.

Идеология тяготеет к мифологическому построению, к повествовательной конструкции, содержащей завязку, кульминацию, развязку и т.п. Здесь действуют герои: свои и чужие, чистые и нечистые, плохие и хорошие. Победа хороших над плохими, наказание происков злоумышленников. Все эти факторы создают условия для наиболее

комфортного усвоения стихийным сознанием. Теоретические выкладки при этом практически не участвуют. Бойцам Чапаева было мало дела до изысканий Маркса касательно товарного фетишизма, диалектики производительных сил и производственных отношений и т.п. Другое дело - пение «Интернационала», в котором повествовалось о восстании возмущенных рабов на последний смертный бой с миром паразитов-насильников и о грядущем солнечном мире, в котором последние станут первыми.

Антропоморфизм и антиномичность. В мифологическом сознании правит антропоморфизм. Безличные силы непременно трансформируются в человекоподобные существа (природа-мать, родина-мать, народы-братья, невидимая рука рынка). Все, что происходит, происходит по чьему-то волеизъявлению – на что указывал еще Леви-Брюль в «Первобытном мышлении». Никаких объективных процессов не предусмотрено.

Кант первым развил идею, что для обычного, стихийного человеческого мышления составляет принципиальную сложность уразумение того, что мы сейчас назвали бы сложными развивающимися системами. Обычное, рассудочное мышление закономерно приспособлено к прослеживанию отдельных причинно-следственных связей, характеристик тех или иных отдельных элементов и т.п. Описание сколь угодно большого, но конечного количества таких элементов и связей может быть успешным. Однако попытки дискурсивно перейти к описанию целого, т.е. выразить бесконечность и построить тут теорию влекут противоречия – антиномии. Кант полагал, что, в отличие от природных процессов, доступных адекватному теоретическому описанию, общественные процессы возможно выразить лишь в форме гадательной и метафорической (его работы «К вечному миру», «Идея истории»).

Конкретная концепция, которую выстроил Кант необязательно должна быть принята, чтобы оценить ее основную идею. Развитие – вот, что представляет теоретическую проблему, поскольку тут дело идет о качественных изменениях во времени и в пространстве. Современный исторический этап, вне сомнения, характеризуется исключительной, беспрецедентной динамикой пространственных и временных преобразований. Социальное пространство и время планеты сжимаются на глазах. Привычные пространственно-временные рамки, к которым тысячелетиями было успешно приспособлено человеческое сознание, трещат по швам.

Именно социальный мир выходит за пределы возможностей обычного понимания. Наука, построенная по образцу естествознания, мало чем может тут помочь, поскольку преимущественно нацелена на прослеживание отдельных элементов и их отношений и только начинает пытаться находить подходы к целому, да еще находящемуся в состоянии развития.

Описание сложных развивающихся систем и субъект всемирно-исторического процесса. Попытки создать теоретические средства, которые описывали бы поведение сложных развивающихся систем имеют, в основном, не столь давнюю историю, хотя некоторые кардинальные идеи восходят тут к Аристотелю. Среди прочего могут быть названы: теории прогресса эпохи Просвещения; концепции диалектического развития Г. Гегеля и К. Маркса; теории эволюции образца Г. Спенсера, Ч. Дарвина, А. Бергсона; тектология и теория систем; синергетика и концепции глобального эволюционизма.

Тем не менее нет необходимости указывать на какую-то конкретную теорию, чтобы высказать важнейшие начала системно-эволюционного подхода. Поскольку речь идет о выражении самого общего смысла, интуитивного понимания достаточно. На этом уровне препятствием способна выступать лишь недостаточная возможность проводить дальнейшие различия.

Адекватная интерпретация обсуждаемой здесь проблематики, как представляется, состоит в том, что субъектом человеческого развития является некое движение целого. Пока не столь важно, каким термином его обозначить; это может быть «мировой социальный процесс» или что-то иное.

В отличие от широко используемой неопределенной идеи «человечества» мировой социальный процесс – понятие, позволяющее ставить вопрос о структуре, функциях, уровнях, элементах и прочим образом его конкретизировать.

В отличие от часто применяемого в политической риторике «мирового сообщества» требуемое понятие должно быть нацелено на объективное рассмотрение и дистанцировано от политической конъюнктуры.

Наиболее важным принципом тут представляется следующее: данный всеобщий субъект по мере развертывания активности сам производит подразделение себя на подсистемы, а не складывается из активностей прежде и независимо имеющихся сущностей. Подсистемы эти таковы, какими позволяют им быть условия целого (в синергетике Г. Хакена это названо зависимостью параметров порядка от управляющих параметров).

Это универсальное формообразование прокладывает себе дорогу в остатках других формообразований, как в материале (идея аристотелевско - гегелевского происхождения). Таким образом, в частности, может стать ясно, каким образом нации связаны с этносами, культурами, языками, традициями и т.п. Эта связь не является прямым отношением «вырастания из», каковым связаны детский и взрослый организм. Правильнее было бы сказать, что тут скорее отношение «пожирания» или, по крайней мере «строительства из»: новая конструкция воздвигается с использованием остатков прежней, с более или менее схожим назначением, чертами и т.п. Новое сооружение возводится в новых условиях по его собственному плану и привлекает материал прежних сооружений лишь в той мере, в какой это отвечает его собственным задачам. Скажем, если проектируется отель, магазин, ресторан и т.п. для привлечения туристов на месте традиционного дома, то стараются сохранить выраженные черты прошлого, однако в упрощенном, приукрашенном и т.п. виде.

1. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С.Жижек; пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234с .
2. Барсукова Е.Н., Романенко И.Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – №4 (25). – С. 193-196.